

Ю. О. МАРТОВ

По поводу письма тов. П. Б. Аксельрода

Прежде чем говорить о наших действительных *разногласиях*, надо устранить те *недоразумения*, которые мешают уяснить самые разногласия.

Такое недоразумение, очевидно, существует по вопросу о *восстании*. Тов. Аксельрод думает, что, сходясь с нами в отрицательном отношении к восстанию против большевистской диктатуры, он расходится с нами в *мотивах* этого отрицательного отношения: он не потому против такого восстания, чтобы принципиально недопустимо было восставать против правительства, субъективно-революционного и субъективно-социалистического, а лишь потому, что при данной исторической конъюнктуре ликвидация большевизма путем народного восстания произойдет при таком соотношении сил, которое обеспечит плоды *такого* свержения большевизма не за пролетариатом и демократией, а за буржуазной контрреволюцией.

Но это и есть точка зрения РСДРП, и лишь по недоразумению П. Б. Аксельрод видит в этом пункте разногласие между собою и нами. Еще в июне 1918 года, констатируя по поводу восстания в Ярославле, что в данной ситуации тактика повстанческая пойдет на пользу контрреволюции, и, отвергая поэтому ее, ЦК определенно заявил, что «право на восстание» против деспотического меньшинства партия признает по-прежнему принципиально¹.

Стало быть, если б создалось такое отношение сил, которое обеспечивало бы пролетариату, в случае насильственного низвержения им большевизма, возможность или вероятность отстоять против контрреволюционной буржуазии республику и главные действительные социальные завоевания революции, то наша партия могла бы изменить свое отношение к тактике восстания.

Однако такой перемены в отношении сил пока что нет. Но почему нет? Тов. Аксельрод объясняет это тем, что большевизм

распылил и ослабил народные массы, тогда как буржуазная контрреволюция имела возможность в процессе гражданской войны организовать (опираясь на контрреволюцию мировую) свои силы. Это, несомненно, одна из причин, но не единственная и не главная, может быть. Другой причиной, по нашему мнению, является то, что поддерживавшаяся долгое время пролетарскими массами социально-утопическая политика большевизма создала и не могла не создать в широких мелкобуржуазных и крестьянских массах резко враждебные настроения по отношению ко всему социалистическому и революционному, благодаря чему эти массы в процессе восстания или после его победы могут оказаться под идейным влиянием контрреволюции. Если это верно, — то не совсем неверен, очевидно, и делаемый нами тактический вывод, сводящийся к тому, что, как я выразился в письме к П. Б. Аксельроду, с.-д. партия, плоть от плоти и кость от кости пролетариата, ни при каких условиях не может согласиться ни прямо, ни косвенно играть, по объективному смыслу своих действий, роль выразительницы психологически вполне законной, но исторически регрессивной реакции мелкобуржуазных и крестьянских масс против ошибок пролетариата, вытекших из незрелости и господства утопизма в его сознании.

Наше разногласие с тов. Аксельродом, несомненно, заключается в том, что и для настоящего, и для прошлого он недооценивает действительного влияния большевиков на широкие массы пролетариата и органическую, не случайную его связь с значительными слоями рабочего класса. Благодаря этому, в объяснении самой победы большевистской партии в октябре 1917 г. у него слишком уж большую роль играет ловкость их бесшабашной и бессовестной демагогии, руководившейся одной лишь целью — захвата власти во что бы то ни стало. Это, конечно, не так, и уже давно даже все сколько-нибудь вдумчивые социалисты из тех, которые проделывали добросовестно в 1917 году коалиционно-оборонческую канитель Керенского-Церетели, пришли к убеждению, что в октябре 1917 года большевики явились выразителями вполне законного возмущения широких слоев пролетариата политикой, которая, по объективному смыслу своему, направлялась в конечном счете не политическими интересами русской революции, но военными интересами Антанты.

Другое дело — как использовала большевистская партия доверие народных масс, какие цели она, как сознательная сила, поставила себе, когда развитие противоречий русской революции привело к тому, что только она одна из организованных партий оказалась, по своему внутреннему состоянию, способной быстро

«ликвидировать» эту политику коалиционно-оборонческого топтания на месте?

В этом вопросе, по нашему мнению, заключается историческое осуждение большевистской партии, а не в самом факте стремления к захвату власти, опиравшегося на несомненное в то время сочувствие широких пролетарских и народных масс.

И тут я подхожу ко второму недоразумению в письме П. Б. Аксельрода. Для него всякое признание того, что большевики в какой-нибудь мере выполнили исторически необходимое дело (извлекли Россию из всемирной войны, двинули вперед задержавшуюся аграрную революцию, очистили недостаточно очищенную Керенским администрацию от цеплявшихся за прошлое элементов и т. д.), кажется необходимо связанным с *апологетическим* отношением к большевизму, какое он усматривает в известной книжке Отто Бауэра, отвергающего большевизм для Запада и признающего его «законность» для России.

На деле представители нашей партии никогда на такую апологетическую точку зрения не сбивались. П. Б. Аксельрод, допуская это, склонен видеть в этом противоречие: ему кажется, что из нашего признания исторической неизбежности октябрьского переворота и прогрессивности *одной части* того, что совершил большевизм, должна была бы вытекать политика примирения с ним.

Почему это? Из нашего теоретического отношения к большевизму вытекают *только* те политические выводы, которые мы имели смелость сделать в определенные моменты: в борьбе между большевизмом, когда он отстаивает от контрреволюции *также* и подлинные завоевания революции (вместе со своей, подлежащей упразднению, диктатурой), мы прямо и без оговорок становимся на сторону большевизма, не боясь сказать пролетариату: перед лицом «демократии» в кавычках Врангеля–Струве и «демократии» в кавычках Ллойд Джорджа–Фoша поддерживайте «советскую власть» в кавычках и тиранию — без кавычек — Ленина и Троцкого как меньшее зло! Ни к чему другому нас логика нашей теоретической позиции не обязывает.

И прежде всего не обязывает к отождествлению с теми выводами тов. Бауэра, против которых ополчается тов. Аксельрод.

Тов. Бауэр совершенно правильно показал, какие объективные условия русской революции, отсутствующие в Европе, дали возможность большевизму не только продержаться несколько лет, но и оставить по себе прочные следы в виде коренной ломки устоев старой патриархальной деревенской России. Благодаря этой своей работе, большевизм уподобляется им — и, по-моему, с полным правом, — французскому якобинизму 1793–94 гг.

Но, ответив на этот вопрос, тов. О. Бауэр обошел другой, для историка и политика не менее важный. На фоне совершившейся в России мещанско-крестьянской революции и тесно сплетаясь с нею развивалось в России классовое движение пролетариата, исторически выходящее за пределы этой революции и имеющее свои особые задачи — приготовления и осуществления социализма. О. Бауэр не указал, в каком отношении осуществление большевиками задач мещанско-крестьянской революции стояло и стоит с признаваемыми также и ими особыми классовыми задачами пролетариата как носителя социалистической идеи. Он не подошел *критически* к вопросу о том, как в стране, еще переживающей, в общем и целом, крестьянскую революцию 18 века, социалистическая партия, опирающаяся на пролетариат и в определенный момент ставшая во главе этой революции, должна была направлять свою политику, чтобы осуществление ею задач крестьянской революции не вступило в непримиримый конфликт с ее же стремлением выражать классовые интересы пролетариата?

Отказавшись от критического подхода к этой проблеме и *взяв за данное* то ее разрешение, которое дал большевизм (якобинские методы, применяемые «пролетарской» диктатурой), Бауэр как бы санкционировал это решение как исторически неизбежное и единственно при подобной ситуации возможное, а тем самым осудил себя на апологетическое отношение к тому, что большевики, в общем и целом, совершили за время своего господства в России.

Этой ошибки Бауэра мы не делали и не делаем. Констатируя, что большевики могли удержаться у власти и победить силы старой России потому, что они взяли на себя и, подобно якобинцам, разрешили поставленную историческим развитием задачу радикального устранения социальных основ старой монархии, мы ни на минуту не забывали, что они в то же время пытались использовать свое руководящее положение в этом исторически-прогрессивном процессе для того, чтобы осуществить *коммунистическую* революцию. А благодаря этому, они, с одной стороны, с первого же дня вступали в непримиримое противоречие с теми самыми задачами, осуществление которых одно лишь давало историческое оправдание их октябрьской победе; с другой же стороны, они подрывали своими утопическими попытками экономические основы самого существования русского пролетариата, несказанно ослабляли его и готовят его колоссальное историческое поражение со стороны того самого крестьянства, которое большевистской революцией превращается в самый могущественный класс русского общества, и того нового мещанства, которое создается этой революцией.

Поэтому, с нашей точки зрения, большевизм характеризуется не только тем, что выполняет на русской почве ту же задачу, которую на французской выполнил якобинизм; но и тем, что выполняет ее много хуже своего исторического предшественника, ибо свойственные ему ограниченность методов и утопизм «урavnительных» идеалов всеобщей «добродетельной» бедности дополняет двойным утопизмом организации коллективистского хозяйства на основе этой поравненной бедности.

Что установление констатируемой Отто Бауэром аналогии между русской и французской революцией не должно непременно вести к апологии большевизма, хорошо понял тов. Отто Иенсен, коснувшийся книжки Бауэра² в только что появившейся статье (Socialist, № 17):

«Отто Бауэр признает диктатуру большевиков, как средство удовлетворения стремлений крестьянства к земле, единственно возможным политическим путем, между тем как Каутский, равно как вожди меньшевиков Абрамович, Мартов и другие, допускают, что это социально-необходимая аграрная реформа могла бы осуществиться и через Учредительное собрание. Они полагают, что в этом случае аграрная реформа должна была быть проведена более планомерно и более в интересах бедных слоев крестьянства. Они полагают также, что и преобразование промышленности могло бы в этом случае совершиться с меньшими жертвами людьми и богатством.

Конечный результат — государственный капитализм с прогрессивной социальной политикой — был бы тоже благоприятнее для пролетариата в этом случае, чем нынешнее состояние принудительно организованного хозяйства...

Историческое развитие, однако, пошло путем большевистским... Вопрос в том, должны ли социалисты сознательно поддерживать этот путь или *они должны путем критики пытаться ослабить его роковые последствия?*».

Тов. Иенсен думает, что долг социалистов заключается именно в критике и порицает вождей европейской социал-демократии, уклонившихся в свое время от этой задачи.

Таким образом, тов. Иенсен вполне понимает, что признание, вместе с Бауэром, большевиков «русскими якобинцами», выполнившими сводную с французскими якобинцами историческую задачу, не только не обязывает марксистов к «санкционированию» большевизма для России, но, напротив, обязывает их к борьбе с усвоенными большевизмом методами якобинской диктатуры в самой России.

Но констатирование социально-исторической основы большевистской революции, как революции «якобинской», одно лишь

дает ключ к пониманию того, почему большевизм, вопреки своей коммунистической идеологии, мог завоевать власть над 100-миллионной мужицкой нацией и, опираясь на нее, стать одним из важнейших факторов мировой политики.

Только на почве такого понимания может и социал-демократия обрести твердые основания для такой борьбы с большевизмом, которая не была бы одновременно, ни прямо, ни косвенно, борьбой против самой российской мужицко-мещанской революции и не делала бы ее, против ее воли, орудием собственнической реакции против заблудившегося пролетариата.

